

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

На правах рукописи

ЛЕВКИВСКАЯ ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА

СЛАВЯНСКИЙ ВЕРБАЛЬНЫЙ ОБРАЗ:
СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА

Специальность:

10.02.03 – Славянские языки (западные и южные)

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 1994

Работа выполнена в Группе этнолингвистики и фольклора
Института славяноведения и Балканистики Российской АН

Научный руководитель – академик Н.И. Толстой

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук А.Ф. Журавлев
кандидат филологических наук С.Е. Никитина

Ведущая организация – Институт языков народов России

Защита состоится << _____ >> _____ 1994 г. в _____
на заседании специализированного совета Д 002.97.01 по защите
диссертаций на соискание ученой степени доктора
филологических наук при Институте славяноведения и
балканистики РАН (117334, Москва, Ленинский проспект, 32-А,
корп. В).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Института славяноведения и балканистики РАН

Автореферат разослан << _____ >> _____ 1994 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат филологических наук

М.И. Ермакова

С Институт славяноведения и Балканистики РАН

Реферируемая работа относится к области этнолингвистики, изучающей язык в широком этнокультурном контексте, основные положения которой были сформулированы в работах Д.К. Зеленина, П.Г. Богатырева, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, Л.Н. Виноградовой и др. В работе описывается вербальный оберег — класс текстов славянской народной культуры, имеющих различную жанровую природу, но объединенных общностью семантики, языковой прагматики, кругом ситуаций, при которых они применяются, а главное — общностью функции — способностью оберегать от потенциального зла (от болезней, нечистой силы, стихийных бедствий и пр.).

Актуальность темы: Этнолингвистические исследования в области славянской народной духовной культуры в последние десятилетия были направлены на описание различных фрагментов славянских традиций, что создает предпосылки как для реконструкции древнейших состояний славянской культуры, так и для анализа ее эволюции и описания системы в целом. Одним из шагов в этом направлении является настоящая работа. В ней впервые описывается модель славянского вербального оберега, выявляются его основные признаки, его прагматическая структура, определяется его место в системе славянской народной культуры.

В качестве основного о б ъ е к т а изучения были избраны вербальные апотропеические тексты народной культуры в записях XIX–XX вв. из пяти славянских традиций: русской, белорусской, украинской, сербской и польской. Выбор текстов не зависел от их жанровой природы и определялся исключительно функцией и семантикой. И с т о ч н и к а м и послужили этнографические описания славянских традиций XIX–XX вв., публикации обрядово-

го фольклора, сборники заговоров, фразеологические и исторические словари, материалы Полесского архива, хранящиеся в Институте славяноведения и балканистики РАН, материалы Этнолингвистического архива университета им. М. Кюри-Скłodовской в Люблине, собственные экспедиционные записи автора.

Ц е л ь ю исследования является создание модели славянского вербального оберега. Для этого выделяются типичные для оберега характеристики, а именно: ситуация применения апотропеических текстов (время, место, обстоятельства произнесения оберега; участники ситуации), апотропеическая семантика (наличие ряда мотивов, в которых такая семантика проявляется), прагматическая организация (иллокутивные цели, характерные для апотропеических высказываний и способы их выражения), жанровая принадлежность оберегов. Важными для понимания природы славянского оберега являются также принципы соотношения словесных форм оберега с невербальными апотропеями — предметами и действиями. Т.о. материал, проанализированный в настоящей работе, позволяет выделить ряд отличительных черт вербального оберега, наметить его место в системе традиционной культуры.

Главными методами исследования являются описательно-аналитический и типологический. Большое внимание, особенно при описании структуры вербального оберега, уделено лингвистической прагматике, базирующейся на изучении языка в его функциональном, коммуникативном аспекте. Метод лингвистической прагматики применен для языка текстов традиционной культуры и позволил проследить особенности прагматической структуры апотропеев в зависимости от их жанровой природы.

Научная новизна и теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней впервые предпринята попытка теоретического осмысления славянских апотропеев, дано развернутое описание их основных характеристик на материале пяти славянских традиций, предлагается модель вербального оберега.

Практическая ценность: данные диссертации могут найти свое применение при изучении славянской

народной духовной культуры, реконструкции ее архаичных состояний. Они были частично использованы при написании статей первого тома этнолингвистического словаря "Славянские древности". Результаты исследования могут быть включены в курсы и спецкурсы по славянскому фольклору и этнолингвистике, введению в славянскую филологию.

Апробация работы: Результаты проведенного исследования обсуждались на конференциях: "Гомельщина: народная духовная культура, диалекты, топонимия" в Гомеле (1992г.), "Культурный текст: структура, функция, жанр" в Рузе (1992 г.), "Диалог в культуре и истории" в Москве (1993 г.). По теме диссертации опубликовано 6 работ.

Структура работы: Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и приложений, включающих три дополнительных раздела: "Функциональные обереги", "Высказывание в структуре текста" и "Вербальный оберег в соотношении с невербальными апотропеями", библиографию и указатель глаголов, выражающих семантические мотивы выявленных моделей, входящих в семантическое поле вербального оберега.

СО Д Е Р Ж А Н И Е Р А Б О Т Ы

Во В в е д е н и и обосновывается актуальность темы, определяются цели и задачи диссертационной работы, характеризуется использованный в ней материал, описывается методика работы, обосновывается терминология исследования, излагается история вопроса. Здесь же определяется место апотропеев среди других классов обрядовых текстов (в семиотическом смысле этого слова). В зависимости от функции выделяются три типа текстов, регламентирующих отношения человека с миром: 1) продуцирующие тексты, направленные на производство, возникновение жизни и жизненных благ — рождение детей, плодovitость скотины, хороший урожай и под.; 2) апотропеические тексты, цель которых — охрана этих ценностей: охрана человека и скотины, а также культурного пространства от болезни, порчи, нечистой силы; 3) реабилитационные тексты, призванные исправить, восстановить дестабилизированные участки жизненного пространства

— вернуть заболевшему человеку здоровье, испорченной корове — молоко, прогнать нечистую силу и пр. Промежуточное положение оберега между текстами продуцирующими и реабилитационными во многом определяет его семантику.

В первой главе "Апотропеическая ситуация" вводится и дается определение *апотропеической ситуации*, т.е. ситуации применения оберега. Апотропеическая ситуация описывается как ситуация коммуникативная, т.е. как ситуация произнесения речевого акта (Толстая, 1992, 33), имеющая все признаки прагматической организации, присущие коммуникативной ситуации: цель воспроизведения (произнесения) текста, наличие участников ситуации: отправителя текста и адресата, время и место, сопутствующие обстоятельства. Однако, в отличие от коммуникативных ситуаций, присущих обыденной речи, апотропеическая ситуация является элементом народной традиционной культуры, что определяет ее особенность. В отличие от обыденной языковой коммуникативной ситуации, в которой отправитель текста как правило является и его автором, апотропеическая ситуация — это ситуация применения оберега, а точнее — его воспроизведения — предъявления предмета, совершения действия, произнесения текста. Человек, произносящий апотропеический, как и любой обрядовый, текст, не является его автором, не создает его самостоятельно, а лишь воспроизводит то, что уже существует для этих целей в традиции, и воспроизводит исключительно в ситуациях, обусловленных традицией.

Основная особенность апотропеической ситуации по сравнению с другими обрядовыми ситуациями в том, что оберег всегда имеет дело не с уже воплощенной опасностью, а с онтологической возможностью опасности — с возможностью порчи, болезни, нападения волка, укуса змей, выпадения града, встречи с нечистой силой и пр. Онтологическая возможность, или потенциальность — это возможность, которая реально, объективно имеет место, независимо от того, сможет она реализоваться или нет (Булыгина, Шмелев, 1992, 137). Эта возможность может быть менее или более актуальной, однако в пределах апотропеической ситуации она никогда не переходит в реализованную опасность.

Цель оберега заключается в том, чтобы создать такие условия, при которых возможность опасности превратилась бы в ее невозможность. В этом принципиальное отличие апотропеической ситуации от реабилитационной, которая имеет дело с уже состоявшейся, реализованной опасностью.

Участниками любой апотропеической ситуации являются: 1) носитель опасности, против которого направлен оберег, 2) охраняемый объект, нуждающийся в защите, 3) исполнитель оберега.

К числу *носителей опасности* относятся существа, в той или иной степени, связанные с потусторонним миром и мифологизированные (нечистая сила, опасные животные, стихийные бедствия и под.), а также места их пребывания и время их активизации.

К числу *отражаемых объектов* относятся человек, его жизнь и здоровье, а также все то, что обеспечивает жизнь и благосостояние человека — скот, домашняя птица, урожай. Охране подлежат работа, создающая благосостояние человека (ткачество, охота, пчеловодство и пр.) и освоенное человеком и принадлежащее ему пространство (дом, хлев, поле и под.).

Исполнитель оберега, т.е. отправитель текста может быть наделен разной степенью сакрального права на исполнение оберега. Для большинства оберегов (например, от сглаза, от нечистой силы, от хищников и т.д.) не требуется специальных "профессиональных" исполнителей текстов. Для оберегов, включенных в обряды или являющихся обрядами, требуется определенная "профессионализация" исполнителей, закреплённость за ними конкретной обрядовой роли. Например, свадебные песни апотропеического содержания поют только участники свадьбы, отправляющие молодых к венцу, а не вообще все приглашенные гости; купальские апотропеические песни поют участники купальских игрищ.

В зависимости от отношения оберега к опасности выделяют *окаzionaliальные* и *типологические* ситуации. Окаzionaliальные подразумевают применение апотропея при появлении внезапной, сиюминутной угрозы опасности (при встрече с волком, змеей, ведьмой и пр.). При типологической ситуации оберег применяет-

ся не против конкретной, единичной опасности, а против определенного типа опасности (не против конкретной градовой тучи, а против града вообще). Такие ситуации имеют более высокую степень обрядовой организации: определенный хронотоп, "профессионализацию" участников ситуации.

В исследовании выделяется несколько вариантов в апотропеической ситуации в зависимости от соотношения между ее участниками.

а) "Классический" вариант, подразумевает наличие одновременно всех трех участников при произнесении оберега: охраняемого объекта, носителя опасности и исполнителя оберега. В этом случае исполнитель оберега является отправителем текста, а носитель опасности — адресатом. В окказиональных ситуациях адресат, т.е. носитель опасности реально присутствует при исполнении оберега, обычно же — только подразумевается. Примеры окказиональной ситуации: если хозяйка увидит коршуна, вьющегося над цыплятами, она должна сказать: "Не до нас, до людей, де богато курей" (укр.). Примером типологической ситуации является первый выгон скота в поле, во время которого хозяин (или пастух) произносит апотропеический заговор, в качестве адресата подразумевая хищников: "И поди ты, черной зверь широколопной, насыльной и опрокидень, и перехожий, и пакосник волк рысучей, и волчица, и всякая змия и скорбия, и всякой злой и лихой человек, за Черное море, на Фаор гору..." (рус.).

б) В другом случае при сохранении тех же позиций, адресатом вербального оберега является не носитель опасности, а сам охраняемый объект. Этот вариант в основном характерен для типологических ситуаций. Например, ребенка мать или знакомые наделяли отрицательными свойствами, чтобы он не мог представлять интереса для сил зла, называя его именами типа: "Гад!" (серб.) или: "Пфуй, гаду мали!" (Оток, Славония) или: "Бијесна момка, нагрене љевојке, наопака љетета" (Герцеговина).

в) Третьим вариантом является ситуация, при которой в качестве отправителя текста, а, следовательно, исполнителя оберега выступает сам охраняемый объект, а носитель опасности

является адресатом. Это в основном характерно для *оказиональных ситуаций*. Например, при встрече со змеей, человек должен бросить в нее палкой или камнем, говоря: "Не я тебя бью, а бье тебе святой понядилок" (называется день, в который ее увидишь) (гом.).

г) Последний вариант представляет собой случай, когда исполнителем обряда является сам носитель опасности, а в качестве адресата выступает охраняемый объект. К примеру, человек, не желающий сглазить маленького ребенка, должен посмотреть себе на ноги со словами: "Дывлюсь на пазуры" (бел.).

В т о р а я г л а в а "Семантика вербальных оберегов" посвящена описанию семантического поля оберега. Апотропей можно разделить на три категории: обереги, которые охраняют объект, обереги, которые воздействуют на носителя опасности, и обереги, которые превращают в апотропей сам охраняемый объект. Апотропейческая семантика реализуется в одиннадцати моделях. Четыре из них — *окружение, преграждение, укрывание, разграничение* — относятся к оберегам первой категории. Ко второй категории относятся пять моделей: *нейтрализация, нанесение удара, уничтожение, отгон*, а также *контакт* — модель, содержащая "ненасильственные" методы общения с носителями зла. К третьей категории относится всего одна модель — *апотропейзация* — она содержит тексты, которые сообщают самому охраняемому объекту апотропейческие свойства.

Семантика окружения включает в себя следующие мотивы (все мотивы вводятся через глагольный ряд): *огороживать /огораждать* ("Встану я, раб Божий, благославясь, *огорожусь* светлым месяцем"; рус.); *очерчивать* ("Сам Исус Хрыстос окала этага агня ходзіць і *абчырчваець*"; бел.); *обводить* ("Василька маці родзіла... шоўковую ниткой *обводзіла*"; бел.); *обходить/объезжать* (*Обійде* та казочка докола нашого дворочка"; укр.); *обсевать/обсыпаять* ("... зорочками *осеюся*, золотым тыном *обгорожуся*"; бел.); *отоясывать(ся)* ("*maty syna roduŃa, szperzypou piŃperezala, do szluby wygadzaŃa...*"; укр.); *обтыкать(ся)* ("младым месяцем *сотынуся*, частыми звездами *затычуся* от призоров, от порчи" рус.); *осветиться* в значении 'огородиться светом' ("будзем ад етыя балезнi зорычкамі агра-

ждаца, месічкам *асвашчацца*"; бел.); *поместить* охраняемый объект *внутри* круга ("*Станаўлю раба Божяга на сярэбранном кругу, на залатом масту*"; бел.).

Вторая семантическая модель — преграда — включает в себя мотивы: *загораживать/заграждать*. Этот мотив может быть выражен и другими глаголами: *заслонять* ("и глаголет мне Михаил-архангел: *заслоноу* я тебя, раба Божия, железной дверью..."), *заваливать* ("*закачу, завало* каменною сцяною, Божья мiласыцi просючы, ад воўка-царыка"; бел.), *засекать* ("*засекайте*, мои слова, от колдуна, от колдуньи"; рус.), *защищать* ("Святой Михайла архангел, *защити* меня, раба Божия... своим золотым щитом"; рус.), *заступить* ("Святой Ягорiй, сохрани овец моiх... *заступи* iх, Господи, чугуною лавою"; укр.). Мотив *закрывать* (в значении 'прекращать доступ') может выражаться рядом глаголов: *затворять* ("*Затворю* аз, раб Божий, за тридевять щитов, за тридевять дверей"; рус.), *затыкаться* ("*железный тын, затыкнiмся...*"; бел.), *не пропускать* ("*Святы наши викна, не пропускайте кризь себе ворив*"; укр.) и др. Кроме этого вторая модель представлена следующими мотивами: *запирать/заканчивать* ("*Pietrzepawlemikołaju, weź kluczyki z gaju! Zamkni j psu drogę*"; пол.), *завязывать* ("*Завезу* *жем* од вука, од ајдука, од цпрнице, од змије, да благо не коље"; серб.), *закрепчивать* ("*Ложусь спать, кладу крест* от земли до небес"; рус.), *запирать/заканчивать* ("*Для* меня раба стоит каменная стена, молитвами закрыта, *атинеш* *заперта*"; рус.), *запрещать* ("*Я, раб Божий, ...запрещаю* и запекую всякую злость, хованцев, чародеев от своих жит"; укр.), *заговаривать* ("*Я* сваю скаціну *заговарываю*, дзвьёми зарамі — ранний и вячерный — застанаўляю"; бел.).

Третья модель разграничение представлена мотивами: *разделять* свое и чужое ("То тоби, Боже, то мени, Боже", — говорят при встрече с русалками; укр.); *разводить* в пространстве свое и чужое ("И как гора с горой *не сходится* и берегами, и так бы черный зверь *не сдобился* с моим скотом..."; рус.); *разводить* во времени свое и чужое (чтобы человеку, идущему ночью по берегу реки, не повредил утопленник, на вопрос последнего "Твоя ночь или моя?" человек должен ответить: "Твоя!"; укр.). К этой же категории оберегов относится и *мол-*

чаши — своеобразное "разграничение" между человеческим и потусторонним миром на вербальном уровне.

Четвертая модель укывание содержит мотивы: *покрывать* ("девојка седмогогка родила дете и сву летину *покрила* дитињим хаљиницама"; серб.); *покровительствовать* ("Wyganiojcie bud-łescko na zielonę locke! Panu Jezusowi w gąscke, pod Matki Boski płoszyk"; пол.); *одевать/облачать* ("оболокусь походячим оболоком, опояшусь белой зарей, обтычусь частыми звездами"; рус.); *хоронить/прятать* ("Как сей воск я *сохранила*, ...так бы моего скота.. не мог обозреть и осмотреть лютый зверь..."; рус.).

Обереги пятой модели — нейтрализации имеют целью сообщить такие свойства носителю опасности, при которых он становился бы безвредным. Модель включает в себя мотивы: *делать неподвижным* носителя опасности ("Все враги и супостаты *стали* перед рабом Божиим как столбы стальные"; рус.); *делать носителя опасности омертвевшим* ("ляжыць трыдзесяць грабоў, трыдзесяць міртвяцоў; у тых трыдзесяці міртвяцах серца ні разгараюцца, рукі ні падымаюцца, уста ні атвараюцца — так і на мене пусць серца ні разгараюцца, рукі не падымаюцца, уста ні атвараюцца"; бел.); *делать носителя опасности замерзшим* ("як камінь сей... студены, так ... заяблы уста тому чалавеку и жене, хто бы злую мысль имел гадаты"; укр.); *делать носителя опасности окаменевшим* ("як вітер порохом крутит, то дідько сі женит, *бодай скаменів*"; укр.); *делать носителя опасности онемевшим* ("Щоб так мої вороги *мовчали*, як ці гудзі *мовчать*"; укр.); *делать носителя опасности слепым* ("Ślepyś się urodził, ślepy bądź"; пол.); *усмирять* носителя опасности ("Дорожка, будь *кротка* и *смирена*, как царь Давид был *кроток* и *смирён*"; рус.); *делать носителя опасности бессильным* (Обходя вокруг своего поля с ложкой, принадлежавшей умершему человеку, хозяин поля произносит: "Jak ten człowiek tą łyżką nie może jeść ani pić, tak by za Bożą pomocą nie mogli ani wtóblł, ani puszy zboża onego jeść ani pić"; укр.).

Шестая модель нанесение удара предполагает причинение ущерба, вреда носителю опасности и содержит следующие мотивы: *затирать/закрывать* пасть носителю опасности (В день архангела

Михаила одна женщина запирает очажную цепь замком, другая ее спрашивает: *Какво заключаваш?* – На волка уста *заключаваш!*"; болг.). Этот мотив может выражаться и другими глаголами, например, *заплетать* (На Рождество очищают ветку шиповника и вплетают ее в плетень. Один вплетает, другой спрашивает: "Што *уплеташ?*" – "*Уплетам* лисици зубе, јастребу, врани и шварки кљунове, да моје кокоши не иду"; серб.). Среди других мотивов этой модели: *завязывать/связывать* опасность ("свети Никола... свежи море моћи, а лопову руке, свежи вуку зубе, да вук не уједе, да лопов не украде"; серб.); *зашивать* (на Митровдан *прошиваот* полотняной ниткой каждую дырку в заборе и говорят: *Крпљиво* ги очи да не видив, *крпљиво* ги уста да не једев" (серб.); *застыкать* ("Святой Юрий,... склычь вовкив и вовчыць, та *позастыкай* хвостами роты, шоб ня розявалы роты на мои ягници"; укр.); *засекать* носителю опасности пасть, ноги и пр. ("Ехаў Юрай на сваём кані, дзяржаў залатую меч, *засякаў* наглым ведзьмам губы і рэч"; бел.); *выбивать* зубы носителю опасности ("Я ім [чаровницам – Е.Л.] камянем зубы *павыбію*"; бел.); *вылащивать* ноги носителю опасности ("Воўк, ваўчыца, ваўченяты, вашы ногі *павылащаты*..."; бел.); *выкалывать* глаза носителю опасности (В Тодорову субботу старшая женщина в семье колет камень иглой, другая ей говорит: "*Боди, боди!*" Первая ей отвечает: "*Бодем, бодем!*" – "*Шта бодеш?*" – "Змеји очи" – "*Избоди* је да је није" – "*Избодот* је, и није је"; серб.); *засыпать* глаза опасности ("О Саво и Невена! Вратите та бела говеда... *Имамо* само пепела – да им очи *истерало!*"; серб.); *застилать* глаза опасности ("Ваўку валаўство, ваўчыцы ючы, чорнай рызай вочы *засцілаю*..."; бел.); *выворачивать* носителя опасности (Чтобы ведьма не отняла у коровы молоко, нужно было молоко от ее коровы вылить в корни *выворотня* со словами: "*Чтобы твою корову так же выкорчало!*"; укр.); *заговаривать* (На гадзюкі еду, і вужом паганяю, людзям мову *замаяжасю*"; бел.); *обнаруживать* опасность (Перед Крещеньем рассыпали по хлеву мак-видюк со словами: *Видюку*, ты все *бачашь*... Не допускай суди лихих сил. Коли ти їх *бачашь*, то вони сплнуть"; укр.); *подоблять* опасность (От злого глаза втыкали в поле метлу со словами: "*Miotła, będziesz kłuski gniotła!*"; пол.).

Седьмая модель – уничтожение опасности представлена следующими мотивами: *расчленять* опасность ("Zebuš sie ozdgařa – od dure do gardřa"; пол.); *закалывать/прокалывать* опасность (Сербы, нанизывая яичные скорлупки на вертел, говорят при этом: "Ја не *набодох* љуску от јаја, већ *набодох* вјештицу"); *съедать* опасность (Чтобы покойник не стал вампиром, около его могилы происходит диалог: "Кај отиде?" – "В планина!" – "Што стори?" – Го *изеде* волкот!"); макед.); *убивать* опасность ("Красна сонце і ясён свет... лхадзея ўбей вогненнай стралой"; бел.); *сжигать* опасность ("Іван, вялікі војн, *сажгі* калдуноў, *сажгі* калдуниц каменнай стралой"; бел.); *закатывать* опасность (Сербы, чтобы предохранить кур от эпидемии, закапывали голову черной курицы под насестом со словами: "Не *закопујем* главу, него болес"); *топить* опасность ("с *водом* ћу да те *удавим*, па ћу те распратим по бистре воде и зелене траве" – грозят бабицам в сербском обереге). К этой же модели относятся мотивы, в которых механизм воздействия оберега построен на сравнении опасности с рядом других объектов, состояний и событий, которые объединяет одно: они или сами невозможны, или символизируют собой ничто, zero. Уничтожение опасности достигается приравнением ее к этим объектам. Сюда относятся такие мотивы, как: *приравнивать* опасность к zero (сербы, оберегаясь от градовой тучи, берут левой рукой яйцо-болтун и бросают его оземь, чтобы яйцо разбилось, со словами: "Она рука крста *нема*, јаје-мућак – пила *нема*, ова ала места *нема*! Пуче мућак, пуче ала!"); *сводить* количество носителей опасности к *нулю* (Чтобы предотвратить появление в доме блох, весной, когда начинали квакать жабы, говорили: "Колико царица зуба, толико у нашу кућу бува"; серб.); *отрицать* опасность ("як вам на ўсिम свеци росы ня биць,...и ў мори глыбины не достаць, и 'т моря до не вышыны не сознаць, и на небе звезд не перелычыць,... – так жа вам, ведзьмаки-чародзейники,... не звездьмуваць, не счаруваць раба Божаго"; бел.).

Восьмая модель – отгон включает в себя следующие мотивы: *отдальнять/отгонять* опасность ("сидят святые Петр и Павел, отбивают и *отгоняют* от меня... уроки и призоры"; рус.); *отбивать* опасность ("Маць Прачыстая... залатым хростом пабіваець,

нячистую силу *адбиваець*"; бел.); *отвергать* опасность ("Я Господа благая и чужую пчелу и сылу *отвергаю*"; укр.); *отговариваться* от опасности ("и стану *отговариваться* от колдунов, от колдуньи..."; рус.); *вылетать* опасность ("Najświętszo Anna wszystkie odrobiny *zmiatała*"; пол.); *отворачивать* опасность ("Тот же железен муж... отворачивает недобрые словеса и речи колдунове и ведунове"; рус.). Этот мотив реализуется и в буквальном "переворачивании" произносимых слов. Например, в Сербии при отгоне градовой тучи призывали самоубийц, находящихся в градовых тучах, произнося их имена задом наперед, чтобы таким образом отвернуть град. К этой модели также относятся такие мотивы, как: *возвращать* опасность ее *отправителю* (если курица запоет петухом, говорят: "Кукареку на свою голову!"; укр.); *отгонять* опасность на *сторонний объект* ("Не иди, граде, на наше усјево, него иди у воду, у дрвѣ, у камење!"; серб.); *отгонять* опасность в *никогда* – в этом случае результат вредоносного действия относится к такому моменту, когда совершится заведомо невозможное событие (в сербском заговоре от моры утверждается, что ничто злое не может приблизиться к дому "докле не би пребројили на небу звиезде, на гори лишѣ, на мору пијесак, на кучки длаке..."); *отгонять* опасность в *никуда*, за пределы человеческого мира ("A idźcie z ta chmury na tatarskie góry, gdzie tatarzy siadają, krople wody żądają"; пол.); *отгонять* опасность в *небывшие* – этот мотив сочетает в себе семантику двух моделей – отгона и уничтожения. В формулах такого типа употребляются глаголы с "отсылочно-уничтожающей" семантикой: *исчезать*, *пропадать* ("там меживник ходэ по мэжи, д'явил', *пропаў* би"; укр.); *заманивать* опасность туда, где гораздо лучше, чем в "этом" мире ("Туча, туча, ідзі бокам, апыніся над Глыбокім, там пірожкі пякуць, табе крошкі дадуць"; бел.); *отпугивать* опасность ("Ja im święcono kiełbasę, wszystko robactwo z nogi wystraszę"; пол.).

Принцип действия оберегов, принадлежащих к девятой модели, называемой замещение заключается в том, чтобы "опередить" зло, заместив потенциальную опасность или "суррогатом" зла или такими предметами, которые исключают одновременное при-

существование носителей зла в охраняемом пространстве. Модель держит следующие мотивы: *опережать* опасность (роженица, "чтобы предотвратить нападение бабиц, съедает калачик, замешанный на собственном плевке, произнося: "Ja родих, умесих, испекох и бабице претекох"; серб.); *заполнять пространство голосом* (в день Иоанна при обрядовом обходе полей молодежь пела: "Gdzie się głosu rozlegajum, tam ci grady nie bijaum"; пол.); *пригласить sacrальных защитников* (чтобы около дома не было змей, нужно в день св. Еремея сказать: "Jeremiја у поље, а све змије у море"; серб.). *Замещать* опасность ее суррогатом — чтобы не допустить зло в пределы охраняемого пространства, необходимо объявить, что место занято другим источником зла, гораздо более сильным ("Не иди, чудо, на чудо! Веће чудо вође него ту: Мајку за сису ујело, о младини месец појело..."; серб.).

Десятая модель — апотропеизация, цель которой — придать охраняемому объекту такие свойства, которые бы делали его неуязвимым перед лицом опасности. Сюда входят следующие модели: *очищать* охраняемый объект (болгары отгоняли градovou тучу, мотивируя это тем, что "наше село е чисто и пречисто!"); *обмывать/обтирать* ("идзец Прачыста Маць... і кароўку падмываець ад усякя чарадзеинцы"; бел.); *обкуривать* (после отела коровы происходит ее ритуальное очищение, сопровождаемое диалогом: "Что куришь?" — "Курю уроки!" — "Кури гораже, чтобы не было!"; рус.); *быть отпугивающим* — этот мотив проявляется в способах названия ребенка или животного, чтобы предохранить его от сглаза ("бијесна момка, кршина коња, наопака ђетета"); *быть неузнаваемым* ("Штоб наша скацінка здавалася ў полі мятай, каменем, на даліне купінай, а ў лесе калодай..."; бел.); *быть сильным* ("Бяру я сваю карову, ... і даю я ёй мядзведзеву сілу, зайцаву вёрткасць"; бел.); *быть неуязвимым* ("печь не боится ни жару, ни пару, так и мой ребеночек не боится ни шуму, ни гаму"; рус.).

Последняя модель — контакт. Обереги этой группы направлены на то, чтобы путем особых форм контакта с носителем зла избежать опасности с его стороны. Модель представлена следующими мотивами: *кулиться, брататься* с носителем опасности (вы-

гоня скотину в поле, говорили: "Хайд' з Богом, милушко моја... *Купила* те по триста и три пута, водом и гором, небом и земљом" серб.); *задабривати* (при обращении к ласке, чтобы она не душила кур: "Убаото момиче, оф, оф, убаото девојче и момиче! Ние ке те мажме за (имя жениха) да си будиш неведече!"; макед.); *быть вежливым* (в Полесье при приближении градовой тучи говорили: "Добро пожаловать!"); *принести жертву* (участники сербского обряда "вучари", обходя с чучелом волка село, пели: "подај вуку сочице — да не коље овчице, подај вуку вагрице, да не коље јарице, подај вуку вунице, да не коље јунице...").

Третья глава "Структура вербального оберега" посвящена анализу прагматической структуры высказываний, составляющих апотропеические тексты. Основной задачей является выяснение того, что М.М. Бахтин называл "речевым замыслом" или "речевой волей говорящего" и что в теории речевых актов называется иллокутивной целью. Один и тот же текст, содержащий семантику отгона, может ее "доводить до сведения" носителя опасности разными способами: с помощью угрозы, просьбы, приказания и пр., что в каждом случае и будет выражать "речевую волю" говорящего и соответствовать определенной иллокутивной цели — угрозы, просьбы и пр. Прагматическая структура высказывания содержит конкретные способы реализации иллокутивной цели, которые зависят от жанровой природы текста.

Апотропеические высказывания функционируют в особой, обрядовой речи, поэтому они обнаруживают определенные отличия от речевых актов обыденной речи, как в наличии своих особых целей, не свойственных обыденным высказываниям, так и в способах, которыми эти цели выражаются. Принципиальной особенностью текстов народной культуры, в том числе и апотропеев, является косвенность выражения тех или иных значений, несовпадение того, что говорится, тому, что "имеется в виду". Ср. заговор, оберегающий скотину от волков: "Воук і ваўчыца і ваўчаняты, вашы ногі павыламаты, вашы зубы пазамыкаты залатымі замкамі, зязлезнымі ключамі" (бел.). Формально текст, содержащий обращение и совершенные формы глагола, сообщает волкам некоторую информацию об их состоянии. В действительности

цель текста (ее можно назвать креативной) — создать условия, при которых хищник не сможет повредить скотине. Все косвенные речевые акты, встречающиеся в традиционных текстах, конвенционально обусловлены, их значение закреплено за ними и не зависит от воли отправителя текста.

Специфика сакральных речевых актов по сравнению с высказываниями обыденной речи обнаруживается прежде всего в типах высказываний. Апотропеические высказывания относятся к таким речевым актам, которые "приспосабливают мир к словам". Согласно таксономии Дж. Серля, ориентированной исключительно на обыденную речь, категорий, "приспосабливающих мир к словам", всего две — директивы, основная цель которых — добиться, чтобы адресат нечто совершил, и комиссивы, выражающие обязательство самого говорящего что-либо сделать.

К категории директивов относятся: просьба и, как более "сильный" вариант, мольба: "Се аз, Боже, молюся святому великомученику Георгию, спусти снесь (sic!) милость Божию, ударь деревянным копьём волхвуна и волхвунью..." (сев.-рус.), угроза, как например, в обереге от бабич: "Са српом у да те исечем, с огнем у да те изгорим, с водом у да удавим, па у те распратим по бистре воде и зелене траве" (серб.); приказ — наиболее распространенный тип высказывания: "Лихі сили землі, води й повітря... будьте голодні, холодні, неприкаєні... Згиньте з голоду й холоду... ви підете від нас, ви згинте назавжди..." (укр.), запрет, как разновидность приказа: "Мороз, нэ морозь просо, ни бульбы, нэ морозь жыта, нэ морозь пшэницу, ўсяку пашаныцу" (пин. брест.); гораздо реже — заклинание: "...заклинаю тя [ниву — Е.Л.] и заповедаю от всякой злости, от хованцов и городейков..." (закарпат. лемки, XVIII в.). Высказывания с такими иллокутивными целями характерны как для обрядового речевого поведения, так и для обыденной речи.

Апотропеические, как и любые сакральные тексты, должны содержать гарантированное, обязательное воздействие на окружающий мир, поэтому в них должны были бы отсутствовать речевые акты, не относящиеся к директивам. Однако, это не так. Приведем краткий перечень высказываний, не принадлежащих к

категории директивов, но выступающих в качестве апотропеев: вопрос, ср., например полесский оберег при встрече с волком: "Волк, где ты был, когда Христа распинали?", различные виды утверждения, (по Серлю относящиеся к категории репрезентативов), к примеру, высказывание против градовой тучи: "Як настойніка свянцила, я тучи не бачила" (бел. едьск.), в частности, предсказания, констативы и др.; экспрессивы, в частности, ругательства, речевые акты, относящиеся к декларациям, в частности, объявления: "Маё при мне, а ваше при вас" (слова менструирующей женщины, входящей в баню; бел.), информативные диалоги, к примеру, диалог, направленный на обезвреживание вампира: "Што се стори? — "Јагне се стори!" — "Каж отиде?" — "В планина!" — "Што стори? — "Го изеде волкот!" (ок. Охрида).

В сакральной речи способностью "приспосабливать мир к словам" обладают такие типы высказываний, которые в обыденной речи служат лишь для описания мира. Эта особенность связана с наличием у любых апотропеических высказываний кроме конкретных целей, той более общей, которая обеспечивает создание безопасной ситуации. Это значит, что если речевой акт совершен правильно, с соблюдением всех положенных условий, то цель, достижению которой служит данный текст, обязательно будет выполнена: коршун не тронет цыплят, птицы и мыши не будут портить зерна, болезнь не затронет село и т.д. Такую цель, присущую всем сакральным текстам, можно назвать креативной.

Креативная цель выражается высказываниями с самыми разными прагматическими характеристиками. К примеру, создать вокруг охраняемого объекта магический круг можно высказываниями, содержащими разное иллокутивное значение и по-разному прагматически оформленными. Это может быть мольба: "...ангел хранитель, огороби пути мои" (арх.) или прикая: "И етыя скоцина, сивая шарсцина,... месячком обсадица, звездами обгородица, черной хмарой покрыйся..." (бел. черик.), или намерение: "Ношное урэмя обгороджусь у темном леси звяздами, у чистом полі месячком" (бел. гом.) или утверждение: "огороджаю огольчак рьжих горою камяною от земли до неба" (бел. гом.), "Maty supa roduła, misiasem obhorođuła..." (укр.). Все приведенные

типы речевых актов, в том числе т.н. повествовательные тексты, являются равноправными вариантами выражения общей для них креативной цели.

Деление высказываний на прагматически маркированные и прагматически нейтральные весьма относительно и обосновано только на уровне выражения конкретных целей — именно в этом случае высказывания, не входящие в категорию речевых актов, "приспосабливающих мир к словам", выглядят как прагматически нейтральные, поскольку в обыденной речи такие высказывания не могут "воздействовать на мир" и имеют совсем иные иллокутивные значения. Но на уровне выражения более общей, креативной цели, прагматически нейтральные речевые акты, становятся прагматически маркированными, их "нейтральность" оказывается конвенционально закрепленным способом выражения собственно сакральной цели, присущей апотропеическим текстам. Речевые акты, функционирующие в качестве апотропеев, можно подразделить на 1) высказывания, которые выражают креативную цель опосредованно, реализуя ее через конкретные цели директивной категории, эксплицитно выраженные в тексте — просьбу, угрозу, приказ, запрет и пр. и 2) высказывания, которые не принадлежат к категории директивов и которые "приспособлены" для выражения непосредственно креативной цели. Все подобные высказывания являются конвенционально закрепленными косвенными речевыми актами.

В З а к л ю ч е н и и подводятся основные итоги исследования. 1. Под вербальными оберегами понимаются тексты, охраняющие человека и принадлежащее ему пространство от потенциальной опасности. Собственно оберегами могут быть признаны тексты, обладающие как апотропеической функцией, так и апотропеической семантикой — т.н. *семантические* обереги. В более широком смысле под оберегами понимаются тексты, обладающие апотропеической функцией, но не имеющие апотропеической семантики. 2. Оберег, как класс текстов, несмотря на свою жанровую разнородность, объединен рядом общих признаков: общей ситуацией употребления, функциональным единством, набором определенных мотивов, принципами языковой прагматики текстов. 3. У оберегов много общего с другими классами текстов, осо-

бенно, с реабилитационными, с которыми их сближает состав участников обрядовой ситуации и частично совпадающий набор семантических мотивов. Принципиальная особенность апотропеев в том, что они имеют дело с *возможностью* опасности и их употребление всегда предшествует опасности, тогда как реабилитационные тексты направлены против *последствий* уже реализованной опасности. 4. Несмотря на локальные особенности, обереги разных славянских традиций обнаруживают принципиальное сходство по всем рассматриваемым признакам.

П р и л о ж е н и е к диссертации состоит из трех разделов, Указателя глаголов, составляющих основу семантических мотивов и библиографии.

Первый раздел Приложения "Высказывание в структуре текста" рассматривает жанровую принадлежность апотропеев. Выделяется пять основных жанров: вербальная формула (в фольклористике называемая приговором), заговор, молитва, обрядовая песня, обряд. Однако существует множество пограничных случаев, текстов с неясно выраженной жанровой природой. Например, ни к одному из перечисленных жанров нельзя отнести имя человека или мифологического персонажа, хотя оно довольно часто выступает в качестве апотропея. Апотропеичность текста никак не влияет на его жанровую природу, однако жанровая принадлежность текста определяет способы выражения апотропеических значений.

1. Вербальные формулы разнообразны по способам выражения участников речевого акта, и по иллокутивным целям. Однако можно наметить некоторые общие тенденции. Отправитель текста и программист ситуации как правило не эксплицированы. Вследствие этого в подобных высказываниях обычно иллокутивная цель не бывает выражена эксплицитными перформативами (типа: "я приказываю", "я прошу" и пр.), для этих случаев более характерны императивные формы: "Што думае, дак нехай табé буде" — приговор от сглаза (Пирки браг. гом.) и под. Вербальная формула обычно содержит обращение к одному адресату и имеет в виду одного реципиента. Случаи, когда приговор содержит обращение к разным адресатам, немногочисленны. Например, в белорусской формуле от волков: "Як топору у печи не лежати, так

шерому зверю скотину ня видати: здайся пнем и огнем (в данном случае иллокутивная цель утверждения и приказа). Случаи, когда вербальные формулы содержат несколько иллокутивных значений достаточно редки. Так, чтобы мыши не ели зерна, хозяин оставляет на поле часть последнего снопа с кусочком хлеба и соли и говорит: "На-ця вам, мышки, на поле крышки, туючка вы спаживайця, а ды гумна ни бувайця" (иллокутивные значения приглашения и запрета; бел.).

Вербальные формулы содержат много усеченных, редуцированных форм, лакун, эллипсисов и пр. т.к. они употребляются в ситуациях "быстрого реагирования", когда требуется немедленная реакция на надвигающуюся опасность.

2. Структура апотропеического заговора не имеет никаких принципиальных отличий от структуры заговоров других типов. Апотропеический заговор содержит все присущие этому жанру элементы "обрамления", которые могут различаться в разных традициях. Заговоры — тексты "продолжающего" действия, обычно употребляются в тех случаях, когда апотропеическая ситуация предвещает наступление опасного события. Заговоры включают в себя различные элементы сакральной маркированности: повторы, перечисления, ритмическую организацию и под. В отличие от приговоров, высказывания, входящие в структуру заговора, сравнительно редко содержат усеченные или редуцированные формы, — иллокутивная цель обычно выражается или прямыми способами (нередко эксплицитными перформативами) или конвенционально закрепленными косвенными речевыми актами. Заговор и приговор демонстрируют принципиально разные способы выражения как иллокутивного значения, так и смысла высказывания. Главное "оружие" приговора — принципиальная недосказанность, намек на ситуацию, а не название самой ситуации, нарочитая недостаточность грамматических способов выражения иллокуции, граничащая с угрозой полной утраты способов распознавания иллокуции и семантики, использование "обрубков" высказывания вместо полноценного речевого акта. Для заговора характерна избыточность способов выражения прагматической маркированности высказывания, заполненность всех валентностей, эксплицитность всех форм, их многократное повторе-

ние, подробное и неторопливое объяснение целей заговора, участников речевых актов, способов достижения целей, всех обстоятельств, сопровождающих ситуацию.

М о л и т в а как жанр славянской народной традиции не имеет четких характеристик, отграничивающих ее от заговора, и существенно отличается от молитвы в конфессиональном понимании этого термина. Это тексты, принадлежащие народной традиции и использующие элементы христианской культуры: иллокутивное значение просьбы или мольбы, обращение к христианским святым, сюжеты Священного Писания или житий, христианскую символику и атрибутику. В народной культуре функционирует сравнительно небольшой корпус канонических молитв, усвоенных традицией и используемых в качестве универсальных апотропеев: "Отче наш", "Да воскреснет Бог", "Живый в помощи..." (90-ый псалом), а также тексты апокрифического характера (типа "Сна Богородицы", "Сказания о двенадцати пятницах" и пр.). Особенности народных молитв зависят от конкретной традиции: у славян-католиков "modlitewki" с христианскими сюжетами обслуживают те области ритуальной жизни, которые в православных традициях заняты заговорами. Народные молитвы обычно имеют сугубо прагматическую цель, конкретную "полезность" (ср. молитвы, читаемые перед сном, в дальнюю дорогу, от волков, от града и пр.), что функционально сближает их с заговорами.

П е с н я также может быть апотропеем, хотя "удельный вес" песен среди оберегов невелик. Отличие песенных текстов от других видов вербальных оберегов заключается не только в принципах организации текста, но и в принципах его исполнения — в том, что он поется, а не произносится. Некоторые тексты в зависимости от локальной традиции могут и произноситься и петься, как, например, польские тексты на отгон града.

Второй раздел "Вербальный оберег в соотношении с невербальными апотропеями" рассматривает случаи употребления вербальных оберегов в составе ритуалов. Зависимость семантики и структуры вербальной части оберега от апотропеических предметов и действий, входящих в ритуал, может быть разной — от достаточно сильной автономии до полной слитности, когда ритуал невозможно разделить на вербальную и невербальную части.

В разделе рассмотрены место, которое занимает в ритуале магическое действие (или ритуальный предмет), его соотношение с произносимой вербальной формулой; способы выражения элементов прагматической организации в чисто акциональных и чисто вербальных текстах. Выделяются парадигматический и синтагматический типы отношения слова, предмета и магического действия. В первом случае предмет, действие, слово, имеющие общее значение, образуют синонимический ряд, например: *замок*, как предмет, который кладут в воротах при первом выгоне скота, чтобы замкнуть хищникам пасти, является синонимом действия *закрывать замок*, совершаемого при тех же обстоятельствах для той же цели, но и действие, и предмет синонимичны вербальной формуле типа: "Вы усе зверы, сабрайтесь ка мне, я вам *заклюку* зубы *жалезнымі замкамі*" (бел.). При синтагматических отношениях гетерогенные обереги, взаимодополняя друг друга, образуют целое апотропеическое высказывание. Например, чтобы предохранить скотину от волков, хозяин *закрывает замок* и *закатывает* его в землю со словами: "*Закрываю і заговарую замок. Я заклучу замок, каб у звера заклучыліся рот і сакаі*" (бел.). Хозяин не только закрывает замок, что эксплицитовано в формуле, но и закатывает его, что имеет семантику укрывания охраняемого объекта, однако словесно не выражено. На вербальном уровне также совершается два действия: *закрываю* и *заговариваю*, - второе возможно только словесно. Т.о. при наличии для обоих уровней общего смыслового ядра, целый смысл ритуала складывается из смыслов обоих уровней, взаимодополняющих друг друга. В разделе рассмотрены закономерности синтагматического соединения вербального и невербального уровней в ритуале.

Третий раздел Приложения "Функциональные обереги" содержит обзор текстов, которые имеют только апотропеическую функцию при отсутствии соответствующей семантики. Это в основном тексты книжного происхождения, пришедшие в народную культуру с принятием христианства и получившие статус оберега в силу своего высокого сакрального статуса. К числу функциональных оберегов принадлежат как канонические христианские молитвы (например, "Отче наш"), так и апокрифические молитвы и фрагменты из житий святых. Наиболее распространенными в право-

славных культурах являются "Сказание о двенадцати пятницах", "Сон Богородицы" и пр.

Указатель глаголов, составляющих основу семантических мотивов, содержит распределение глаголов по отдельным моделям (огораживание, преграда, отгон и пр.), а внутри каждой модели — по отдельным традициям.

Основное содержание и выводы диссертации отражены в следующих работах:

1. Полесские вербальные обереги от "сглаза" // Гомельщина: народная духовная культура. Дialectы. Тапанімія. Тезисы конференции. Гомель, 1992. С. 25–26.
2. Элементы диалога в славянских апотропеических текстах // Диалог в культуре и истории. Тезисы конференции. М., 1993.
3. Мифологические имена-апотропеи в карпатском ареале // Символический язык традиционной культуры. М., 1993. С. 93–102.
4. Семантика славянских апотропеев // Mit, Religia, Kultura (под ред. Е. Бартминьского). Lublin (1. а.д.; в печати, написано в 1993 г.).
5. Семантика славянских вербальных апотропеев (белорусская традиция) // Языковая и этнокультурная история Восточной Европы. Под ред. В.Н. Топорова. М., (2 а.д. в печати, написано в 1993 г.).
6. Оберег как функция // Культурный текст: структура, функция, жанр. Тезисы конференции. М., (0,3 а.д.; в печати, написано в 1992 г.).

Подписано к печати 28.10 1994 г.
Отпечатано на роталпринте в
Производственном комбинате
Литературного фонда

Формат бумаги 30x42/4
Объем 35 п. л.
Заказ. 231 Тир. 100

